

Он мой сводный брат.
И моя самая запретная
слабость.

Тончик
♥ для ♥
СВОДНОГО

KASSANDRA MOON

Kassandra Moon

Пончик для сводного

<https://litres.ru/74203593>

Аннотация

Быть полной — не преступление. Но почему-то окружающие уверены, что могут безнаказанно тыкать пальцем, отпускать мерзкие шутки и решать, сколько места я имею право занимать в этом мире.

Я такая с детства. Не потому, что ночами ем булки тоннами, а потому что так устроено моё тело. Высокая, крупная, заметная. Папина порода. От него мне достались густые волосы, зелёные глаза и фигура, за которую меня сначала дразнили, а потом начали ненавидеть.

Мама ушла, когда я была ещё ребёнком. Просто исчезла из нашей жизни, оставив меня отцу — красивому, сильному мужчине, которого невозможно не заметить. А спустя годы в нашем доме появилась другая женщина. Эффектная брюнетка с сыном от первого брака.

Мирон Драгомиров.

Мой сводный брат. Мой личный ад. Парень, который ещё в школе научился делать мне больно одним взглядом. А потом стал моей первой любовью.

Он знает, как уничтожить меня без единого прикосновения.
Знает, как заставить забыть о собственной гордости, самооценке
и здравом смысле. Рядом с ним я теряю себя — снова и снова.

И самое страшное... кажется, я всё ещё его люблю.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	17
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	33
Глава 7.	37
Глава 8.	43
Глава 9.	47
Глава 10 Мирон.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1.

С самого утра дом стоял на ушах.

По коридорам носились декораторы, стилисты, официанты, повара — и ещё куча людей, чьих должностей я даже не знала. Особняк готовили к празднику с таким размахом, будто сегодня здесь собирались короновать кого-то очень важного.

Отец постарался.

Хотя они с Верой уже расписались и устроили роскошную свадьбу, теперь он решил собрать «самых близких». Тех родственников, которых обычно не показывают публике. По крайней мере, так всегда говорила мама, брезгливо морщась при упоминании папиной родни из деревни.

А я их любила.

Особенно бабушку с дедушкой. Каждое лето я буквально выпрашивала поездку к ним. Мама злилась ужасно — потому что в деревне никто не считал калории, не взвешивал листья салата и не заставлял меня питаться брокколи на пару.

Зато там были бабушкины пироги. Тёплые. С вишней. И густое домашнее варенье, от которого невозможно отказаться.

Я всегда возвращалась домой с пакетами огурцов, помидоров, банок с закрутками и парой лишних килограммов.

— Всё со своего огорода, — язвительно говорила мама.

Всю жизнь она пыталась сделать из меня свою копию. Худую. Идеальную. Удобную для чужих взглядов.

Диетологи. Тренеры. Спортзалы. Бесконечные «не ешь это», «посмотри на себя», «кому ты такая будешь нужна».

Но у меня всегда находилась заначка из шоколада и мармелада.

Мама злилась и повторяла, что такую, как я, никто достойный замуж не возьмёт. Она с детства внушала мне: моя главная задача — удачно выйти замуж. За богатого, влиятельного мужчину. Такого, как отец.

Только вот папа не родился богатым.

Он начинал с нуля. Ещё в деревне торговал овощами, потом открыл пару магазинов, а спустя годы построил целую продуктовую империю.

У мамы было всё: деньги, статус, украшения, путешествия.

Но ей всё равно чего-то не хватало.

Наверное, идеальной дочери.

После её ухода отец встретил Веру. Хотя «встретил» — громко сказано. Они давно знали друг друга. Пересекались на школьных собраниях, потом — на вручении дипломов в институте. Маме было стыдно появляться рядом со мной на таких мероприятиях, а Вера всегда улыбалась и спрашивала, как у меня дела.

К тому времени она уже была разведена.

И, честно говоря, я благодарна ей. За то, что никогда не

пыталась меня переделать. Не критиковала мою внешность, не намекала на диеты и не смотрела с жалостью.

В отличие от её сына.

Мирон.

При родителях он был почти идеальным: воспитанный, спокойный, внимательный. Но стоило взрослым отвернуться...

— Пончик души моей, ты чего застыла?

Я медленно оборачиваюсь — и тут же жалею об этом.

Мирон стоит напротив в чёрном смокинге, будто только что сошёл с обложки дорогого журнала. Расслабленный. Самоуверенный. Невыносимо красивый.

И смотрит так, словно мысленно уже раздевает меня.

— Не называй меня так, — цежу сквозь зубы.

Он лениво усмехается.

— Как? Пончиком? Но тебе идёт. Сладкая, круглая и постоянно вызываешь зависимость.

— Ты больной.

— А ты моя любимая форма безумия.

Я закатываю глаза и пытаюсь уйти, но он делает шаг в сторону, преграждая путь.

— Пропусти.

— Сначала улыбнись.

— Сначала умри.

— Жестокая женщина, — театрально вздыхает Мирон. —

А я ведь с самого утра думаю о твоих губах.

— Лучше бы о психиатре подумал.

Он наклоняется ближе. Слишком близко.

От него пахнет дорогим парфюмом и чем-то опасным.

— Я думал, — тихо произносит он, скользя взглядом по моему вырезу, — это платье специально для меня.

— Закатай губу.

— Уже закатал. Теперь думаю, как бы аккуратно снять с тебя эту тряпку, не порвав.

— Господи, какой же ты пошлый придурок.

— А ты покраснела.

— От злости!

— Конечно, пончик. Именно поэтому у тебя дыхание сбилось.

Я готова врезать ему прямо здесь.

И, кажется, он это понимает — потому что выглядит слишком довольным.

— Мы родственники, если ты забыл, — шиплю я.

Мирон усмехается.

— Поверь, сестрёнка, всё, что я хочу с тобой сделать, вообще не похоже на родственные чувства.

У меня внутри всё вспыхивает.

— Ты отвратительный.

— Зато честный. В отличие от тебя.

— Что это должно значить?

Он склоняет голову набок и понижает голос:

— Ты смотришь на меня так, будто одновременно хочешь

придушить... и поцеловать.

— У тебя мания величия.

— Нет, малыш. У меня просто глаза есть.

Я уже открываю рот, чтобы послать его к чёрту, но рядом появляется отец.

И Мирон мгновенно меняется.

Будто кто-то щёлкнул выключателем.

— Доченька, ты ещё не выбрала платье? — спрашивает папа. — Там целый бутик привезли. Верочка лично всё подбирала.

— Ещё не успела, — бормочу я, стараясь не смотреть на Мирона.

— Виктор Владимирович, — спокойно произносит он, — мне кажется, вашей дочери вообще всё к лицу.

Я едва не давлюсь воздухом от такой резкой смены образа.

Папа довольно улыбается.

— Это точно. Моя девочка красавица. Но всё равно сходи посмотри наряды. Если понравится всё — оставляй всё. Моя дочь достойна самого лучшего.

В груди привычно теплеет.

Рядом с папой я всегда чувствовала себя любимой.

— Спасибо, пап.

— Только не затягивай. Стилисты уже ждут. Верочка очень старалась.

Мирон неожиданно подаёт голос:

— Моей матери с вами повезло.

— А как иначе? — улыбается отец. — Любимую женщину нужно беречь и баловать. Иначе завянет, как цветок без воды.

Потом он хлопает Мирона по плечу.

— Тебя, кстати, тоже пора женить. Есть у меня несколько достойных кандидаток. Да и Марине хорошего мужа подыщем.

У меня внутри всё холодеет.

Нет уж. Спасибо.

Мирон тоже напрягается. Почти незаметно — лишь закаменевшая линия челюсти выдаёт его раздражение.

— У меня уже есть одна девушка на примете, — спокойно говорит он.

И смотрит прямо на меня.

По позвоночнику пробегает холод.

— Красивая. Дерзкая. Думаю, вы её оцените. А Марина и сама разберётся, какого мужчину ей выбирать.

Отец хмурится, но спорить не стал. Лишь кивает и, сославшись на дела, уходит.

И мы снова остаёмся вдвоём.

Мирон медленно подходит ближе.

Слишком близко.

— Знаешь, что мне нравится больше всего? — тихо спрашивает он.

— Нет. И не хочу знать.

— То, как ты злишься из-за меня. Будто я уже залез тебе

под кожу.

— Ты просто невыносим.

— А ты слишком вкусно реагируешь на мои слова.

Я нервно сглатываю, а он замечает это мгновенно.

Конечно замечает.

Этот гад вообще замечает во мне всё.

— Бегай сколько хочешь, пончик, — хрипло говорит он.

— Но однажды ты сама придёшь ко мне.

— В твоих фантазиях.

Он наклоняется к самому моему уху.

— Нет, малыш. В мою спальню.

— Мечтай.

А хуже всего то, что от его голоса у меня дрожат колени.

Глава 2.

Платье я выбрала нежно-розовое.

Исключительно потому, что Мирон ненавидел этот цвет.

Когда-то он заявил, что розовый создан либо для пятилетних принцесс, либо для женщин с «опасным уровнем сумасшествия». А ещё сказал, что от такого цвета у него начинают дёргаться глаза.

Вот я и решила немного испортить ему вечер.

Хотя платье действительно было красивым. Мягкая ткань струилась по фигуре, открытые плечи делали шею длиннее, а вырез подчёркивал грудь так, что даже я зависла перед зеркалом на пару секунд.

Не «для полной девушки».

Не «в принципе нормально».

А просто... вау.

— Охренеть, — выдохнула я своему отражению. — Марина, да ты горячая штучка.

— Полностью согласен, — раздался за спиной мужской голос.

Я дёрнулась.

Мирон развалился в дверном проёме, засунув руки в карманы брюк. Чёрный смокинг сидел на нём так идеально, что это раздражало почти так же сильно, как и он сам.

Его взгляд медленно прошёлся по мне сверху вниз.

Очень медленно.

Нагло.

Будто он уже мысленно меня раздел.

— Ты офигел?! — возмутилась я. — Стучаться не учили?

— Я постучал.

— Враньё.

— Ладно. Не постучал. Но ты бы всё равно не услышала.

Слишком увлечённо любовалась своей задницей.

Я схватила первую попавшуюся подушку и швырнула в него.

Этот гад поймал её одной рукой и ухмыльнулся.

— Осторожнее, сладкий поросёнок. А то запыхаешься.

— Ещё раз так меня назовёшь — останешься без детей.

— М-м-м... какая агрессия. А я ведь просто хотел сделать комплимент.

— Где?!

Он оттолкнулся от двери и медленно подошёл ближе.

Слишком близко.

— Ты сегодня выглядишь так аппетитно, что у меня просыпаются очень нехорошие желания.

— Например?

Он склонился к моему уху.

— Съесть тебя.

Я закатила глаза.

— Фу. Ты отвратительный.

— А ты вкусная.

— Господи, какой же ты придурок.

— Зато честный. Смотри на меня нормально, Марина. У тебя сейчас взгляд, будто ты одновременно хочешь меня убить и раздеть.

— Поверь, первый вариант мне нравится больше.

— Врёшь.

Он снова осмотрел меня с головы до ног и присвистнул.

— Розовый. Серьёзно? Ты же знаешь, как я его ненавижу.

Я победно улыбнулась.

— Именно поэтому и выбрала.

— Какая коварная девочка.

— Какая есть.

— Нет, сладкий поросёнок, — протянул он с мерзко довольной улыбкой. — Ты специально решила меня довести.

— Мир вокруг тебя не крутится.

— Да? Тогда почему ты сейчас стоишь передо мной в платье, в котором у меня фантазия за фантазией?

Я фыркнула и попыталась пройти мимо него.

Плохая идея.

Мирон резко поймал меня за талию и дёрнул на себя.

Я впечаталась в его грудь.

Твёрдую. Горячую. Чёрт бы её побрал.

— Отпусти!

— Не-а.

— Люди увидят!

— И что? Думаешь, кто-то удивится тому, что ты на меня

запала?

Я аж задохнулась от возмущения.

— Это ты на меня заиклен, псих ненормальный!

— Конечно, — спокойно согласился он. — Я вообще-то уже давно об этом говорю.

— Тебе лечиться надо.

— А тебе перестать так сладко краснеть рядом со мной.

Я почувствовала, как щёки вспыхнули ещё сильнее.

Ненавижу его.

Ненавижу его глаза.

Его голос.

Его ухмылку.

И особенно то, как моё тело реагирует на этого самодовольного идиота.

Мирон медленно провёл взглядом по вырезу платья и шумно выдохнул.

— Марина...

— Что?

— Я сейчас либо начну себя очень плохо вести, либо сдохну.

— Отличный вариант. Советую второй.

Он рассмеялся.

Тихо. Хрипло.

А потом вдруг наклонился ещё ближе.

— Ты даже не представляешь, как сильно мне хочется за-тащить тебя куда-нибудь подальше от гостей.

— Чтобы я тебя там прибила?

— Нет, сладкий поросёнок. Чтобы ты наконец перестала делать вид, будто между нами ничего нет.

Я открыла рот для очередной колкости, но в этот момент снизу раздался голос отца:

— Марина! Мирон! Вы где там?

Мы одновременно отшатнулись друг от друга.

Мирон усмехнулся и поправил рукав пиджака так спокойно, будто секунду назад не прижимал меня к себе.

Невыносимый.

— Идём, — лениво бросил он. — А то твой отец начнёт подозревать, что я тут тебя развращаю.

— Начнёт? — я ядовито улыбнулась. — Мирон, это уже давно не подозрение. Это диагноз.

Глава 3.

Я вышла из комнаты на втором этаже и замерла.

Внизу, в огромном холле, уже вовсю шумела моя деревенская родня.

Тётя Зина размахивала руками так активно, будто дирижировала оркестром. Дядя Гриша что-то громко рассказывал официанту, который выглядел так, словно жалел обо всех своих жизненных выборах. Кузены ржали возле стола с закусками, таская канapé сразу по пять штук.

А потом я увидела бабушку с дедушкой.

И всё.

— БАБУЛЯ!

Мой вопль, кажется, услышали даже соседи через три улицы.

Бабушка подняла голову.

— Маришка!

Я сорвалась с места.

— О господи, — простонал за спиной Мирон. — Только не беги...

Поздно.

Я уже неслась к лестнице, придерживая юбку.

— МАРИНА! — рявкнул он. — Ты на каблуках!

— Я скучалаааа!

Кузены подняли головы.

— О-о-о, смотрите! — заржал Санька. — Наш розовый ураган полетел!

— Осторожнее, ступеньки треснут! — добавил второй.

— Да не треснут, — хмыкнул третий. — Особняк же богатый. Усиленный фундамент.

Весь этот цирк сопровождался дружным ржачем.

— Идите к чёрту! — крикнула я, перепрыгивая через ступеньки.

— Маринка, тормози! — уже смеялся дед.

— Не могу!

Именно в этот момент каблук подворачивается.

Я чувствую это мгновенно. Тот самый страшный женский хруст. Мир на секунду замирает.

А потом...

— А-А-А-А-А!

Я лечу вниз.

Не красиво.

Не изящно.

Я лечу так, будто меня катапультировали с лестницы.

Руки машут в разные стороны.

Юбка взлетает.

Где-то отлетает туфля.

Кто-то из родственников орёт:

— Лови кабанчика!

— ТВОЮ МАТЬ! — визжу я.

И тут меня хватает Мирон.

Точнее... Пытается.

Он успевает поймать меня за талию, но инерция слишком сильная.

— Марина, твою ж...

И мы вместе летим вниз.

С грохотом.

С матами.

С позором.

Я падаю прямо на него.

Всем телом.

На весь огромный холл раздаётся звук вышибленного из Мирона воздуха.

— Уф-ф-ф...

Повисает тишина.

Мёртвая.

Абсолютная.

Я медленно открываю глаза.

Мирон лежит подо мной.

Моя юбка задрана почти до бёдер.

Его руки намертво вцепились в мою талию.

А вокруг... Вся родня.

ВСЯ.

До единого человека.

Дядя Гриша первый начинает ржать. Причём так, что сгибается пополам.

— Ну всё! — орёт он. — Жениться пора! Девка сама на

мужика прыгает!

Кузены воют. Тётя Зина крестится. Бабушка машет рукой.

— Маринка, ты ж его раздавила!

— Ба!!!

— Не «ба», а слезь с парня, пока он не посинел!

Я в ужасе пытаюсь подняться, но Мирон внезапно сильнее сжимает мои бёдра.

Этот. Большой. Придурок.

— Не дёргайся, сладкий поросёнок, — хрипло произносит он мне прямо в ухо. — Мне начинает нравиться.

— Отпусти меня!!!

— Не могу. Ты так эротично на мне распласталась.

Я готова умереть. Прямо здесь. На этом полу. Под люстрой.

— Мирон! — шиплю я. — Убери руки!

— А зачем? Мне удобно.

Кузены снова начинают ржать.

— Брат, ты там живой вообще?

— Пока да, — отвечает Мирон с абсолютно серьёзным лицом. — Но если Марина ещё немного поёрзает, я за себя не отвечаю.

— МИРОН!!!

Он смотрит на меня снизу вверх и ухмыляется.

Мерзко. Довольно. Слишком красиво.

— Что? Я вообще-то тебя спасал.

— Ты меня уронил!

— Неправда. Это ты решила эффектно влететь в мою жизнь.

— Я тебя ненавижу!

— А я тебя хочу. Видишь? Мы оба честны друг с другом. По залу прокатывается дружное:

— УУУУУУУУ!

Я закрываю лицо руками. Господи. Позор-то какой.

— Марина, деточка, ты цела? — сквозь смех спрашивает Вера.

— Нет, — простионала я. — Моя репутация умерла.

— Да ладно тебе, — хрюкнул Санька. — Репутация умерла ещё на моменте «сладкий поросёнок».

Мирон начинает ржать прямо подо мной.

Причём этот гад даже не пытается скрывать удовольствие от происходящего.

— Знаешь, — говорит он, лениво скользя взглядом по моему лицу, — если ты и дальше продолжишь так на меня падать, я начну думать, что это флирт.

— Это покушение на убийство!

— Ну да, — ухмыляется он. — Ты убиваешь меня уже давно. Особенно в этом платье.

Глава 4.

После моего эпичного полёта с лестницы нас освистали.

Точнее — меня.

Потому что Мирон в глазах моей родни выглядел героем, который самоотверженно пытался спасти неуклюжую девицу от преждевременной смерти.

А вот я...

Я была тем самым кабанчиком в розовом платье, который снёс парня своим телом.

Причём буквально.

Только папа и Вера ещё как-то держались.

Хотя Вере это явно давалось тяжело. Она то и дело отворачивалась, чтобы не засмеяться. Потому что её единственный сын едва не превратился в лепёшку с мясной начинкой под моей тушкой.

Но самое ужасное...

Мирон вообще не выглядел пострадавшим. Наоборот. Этот гад буквально купался в народной любви.

Дядя Гриша хлопал его по плечу:

— Ну ты мужик! Выдержал!

— Не сломался под Маринкой, — добавил Санька. — Уже достижение.

— Это любовь, — важно заявила тётя Зина. — Настоящий мужчина должен выдержать женщину во всех смыслах.

Родня заржала.

Я мечтала утонуть в фонтане с шампанским.

Мирон же только ухмылялся и пил виски так спокойно, будто не он пять минут назад лежал подо мной с моей задницей на своих бёдрах.

Хотя...

В какой-то момент один из дальних родственников хохотнул:

— Мирон, ну и вкус у тебя. Любишь пышек, а?

И тут произошло неожиданное. Мирон перестал улыбаться. Вообще.

Он медленно повернул голову и посмотрел на мужика так холодно, что тот даже поперхнулся.

— А тебе какая разница, кого я люблю? — лениво спросил он. — Следи лучше за своей женой. Она у тебя официантов глазами раздевает.

За столом сразу стало тихо.

А потом дед довольно крякнул:

— Во! Мужик!

Плюсик тебе в карму, гад.

Бабушка уже всю расписывала Мирона как идеального жениха.

— Ой, Маришка, какой парень хороший! Высокий! Красивый! Руки сильные! Тебя вон как поймал!

— БА, ОН МЕНЯ УРОНИЛ!

— Ну не специально же! Мужик старался!

— Старался он... — пробормотала я, мрачно запихивая в рот канapé.

— Вас теперь всем селом сватать будут, — радостно сообщила тётя Зина.

— Уже сватают, — хрюкнул Санька. — Я бабе Нюре видео скинул.

Я застыла.

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?!

— Да расслабься, Марин. Там только момент, где ты на Мироне сверху.

Я медленно повернула голову.

— Сань.

— М?

— Я тебя закопаю.

— Если догонишь.

Родня снова взорвалась хохотом.

Даже папа посмеивался.

ПАПА.

Мой родной отец.

Предатель.

Я уже собиралась засунуть в себя ещё пару канapé от нервов, как рядом присела Вера и мягко приобняла меня за плечи.

— Мариночка...

О нет. Этот тон мне не понравился сразу.

— Тебе нравится мой Мироша?

Я подавилась канапе. Насмерть. Воздух резко застрял где-то между лёгкими и позором.

Я закашлялась так, будто пыталась исторгнуть душу.

— Кхе... КХЕ...

В голове пронеслось:

Ну всё. Сейчас начнётся.

Сейчас она скажет что-нибудь вроде: **
** «Вот тебе деньги, девочка, только не трогай моего сына».

И знаете что? Я бы согласилась. Взяла бы чемодан денег и уехала на море. Жила бы где-нибудь у берега. Пугала бы своей задницей морских котиков. А если понадобится — и людей.

— Тётъ Вер, вы не так всё поняли... — прохрипела я.

— Ой, да брось, родная, — перебила она с улыбкой. — Я хоть и твоя мачеха теперь, но не слепая же. Вижу, как вы друг на друга смотрите.

Я замерла.

Рот всё ещё был набит канапе.

Я начала нервно жевать. Очень нервно. Слишком нервно. И в какой-то момент... ЩЁЛК.

Челюсть заклинило. Намерво.

Я застыла с выпученными глазами и открытым ртом, набитым этой несчастной жижей из сыра и икры.

Боже.

Нет.

Нет-нет-нет.

Только не это.

Вера сначала нахмурилась, потом испуганно ахнула:

— Виктор! Мирон! Быстро сюда!

НННННН.

Я резко вскочила.

Все вокруг тут же уставились на меня.

Вся родня.

Все гости.

И я стояла перед ними с перекошенным лицом и открытым ртом, как очень тупая рыба.

— Господи, — прошептал Санька. — Она сломалась.

— Перезагрузите Маринку! — заорал кто-то.

— По голове стукните!

— Не надо! Там и так всё шатко! — ржал дядя Гриша.

Я поняла главное:

Если не сбегу прямо сейчас — это станет моим официальным смертельным позором.

Я сорвалась с места.

Босиком.

Потому что туфли после лестничного полёта всё ещё жили отдельной жизнью где-то в доме.

— МАРИНА! — донёсся голос папы.

— Стоять! — уже ржал Мирон.

А я неслась.

Напролом.

С открытым ртом.

Топот босых ног гремел по деревянной лестнице, заглушая музыку.

На повороте я случайно снесла официанта.

Поднос красиво взлетел в воздух.

Бокалы.

Тарталетки.

Чья-то креветка.

Всё это посыпалось вниз дождём.

— МАТЬ ЧЕСТНАЯ! — завопил официант.

А я даже извиниться не могла.

Потому что продолжала нестись наверх с лицом человека, пережившего insult.

Сзади уже слышался ржач Мирона.

Громкий.

Бессовестный.

Этот урод даже не пытался меня пожалеть.

— Марина! — орал он сквозь смех. — Сладкий поросёнок, стой! Ты сейчас весь дом разнесёшь!

Глава 5.

Натягиваю на себя то, что производители одежды нагло называют оверсайзом.

Хотя по факту это выглядело как:
«Слава богу, вообще налезло».

Серый спортивный костюм героически боролся за свою жизнь на моём теле. Я покрутилась перед зеркалом и тяжело вздохнула.

Эффект был примерно как у ливерной колбасы в пищевой плёнке.

Сексуально.

Наверное.

Для очень специфических ценителей.

Челюсть всё ещё ныла после позорного клина, поэтому рот открывался с подозрительным хрустом. Я осторожно потрогала лицо и скривилась.

— Ну всё, Марина... — пробормотала я своему отражению мысленно. — Двадцать пять лет. Самое время начать разваливаться по частям.

Ещё немного — и буду хрустеть суставами на погоду и носить «удобную обувь».

Я тяжело вздохнула.

— Великолепно. Просто женщина мечты. С перекошенной челюстью, слюнями и психически больным сводным

братом в комплекте.

Начала рыться в тумбочке в поисках медицинской маски.

С таким перекошенным лицом я точно не выйду к людям.

Никогда.

Вообще.

Буду жить здесь.

В комнате.

Питаться доставкой.

И шипеть на людей через дверь.

Наконец нахожу маску, натягиваю её на лицо и вытираю слюни рукавом толстовки.

Потрясающе.

Просто богиня.

План был идеальный: тихо свалить из дома, доехать до больницы, починить свою челюсть, вернуться через пару часов, сделать вид, что ничего не было.

Главное — не попасться никому на глаза.

Я осторожно открываю дверь.

И замираю.

Потому что за дверью стояли ВСЕ.

Абсолютно.

Папа.

Вера.

Бабушка.

Дедушка.

Кузены.

Тётя Зина.

И...

Мирон.

Причём этот гад стоял впереди всех, прислонившись плечом к стене, и выглядел так, будто пришёл на лучшее шоу в своей жизни.

Увидев меня, Санька сразу согнулся пополам.

— ГОСПОДИ! — заорал он. — Она реально намордник надела!

Родня взорвалась хохотом.

Я медленно начала закрывать дверь.

Мирон резко выставил руку и удержал её.

— Не-а, сладкий поросёнок. Теперь мы это развидеть не сможем.

Я что-то злобно промычала через маску.

— Чего? — ухмыльнулся он. — Переводчик нужен?

Я прищурилась.

— М-м-мф!

— О, понял. Ты хочешь, чтобы я отнёс тебя в больницу на ручках?

Я показала ему средний палец.

— Вот теперь точно понял.

Папа старательно пытался не смеяться.

Очень старательно.

Но плечи у него уже тряслись.

— Марин, доченька... может, всё-таки врача вызвать?

Я отрицательно замотала головой.

Только не домой.

Я не переживу, если какой-нибудь травматолог будет вправлять мне челюсть под комментарии моей родни.

Бабушка всплеснула руками:

— Ой бедненькая! Мирончик, ну чего стоишь? Вези девку в больницу!

— Ба! — возмущённо промычала я.

— А что «ба»? Мужик твой — пусть помогает!

Мирон медленно расплылся в улыбке.

Очень опасной.

— Слышала, сладкий поросёнок? Меня уже официально назначили твоим мужчиной.

Я закатила глаза.

— Мф-ф-ф!

— Да-да. Я тоже тебя хочу.

Я чуть не задохнулась от возмущения.

Санька уже буквально стекал по стене от смеха.

— Брат... — прохрипел он. — Она щас тебя убьёт.

— Не убьёт, — спокойно ответил Мирон, не сводя с меня взгляда. — Она меня любит.

Я замахнулась.

Этот гад ловко перехватил мою руку.

И вдруг притянул к себе.

Резко.

Я впечаталась носом ему в грудь.

— М-м-м!

— Тише, — хрипло усмехнулся он мне прямо в маску. —

А то слюной захлебнёшься.

Родня снова взорвалась хохотом.

Я же в этот момент поняла две вещи.

Первая:
 я всё-таки его убью.

Вторая:
 даже в спортивном костюме, с перекошенной челюстью и медицинской маской этот придурок смотрел на меня так, будто я самая красивая девушка в доме.

Глава 6.

В больницу меня всё-таки повезли.

Точнее — повёз Мирон.

Потому что остальные либо ржали, либо пытались не ржать.

А я в тот момент ненавидела вообще всех.

Я сидела на пассажирском сиденье, втянув голову в плечи, будто это могло сделать меня невидимой. Маска уже промокла от слёз, слюней и унижения.

Господи.

Двадцать пять лет.

И вот мой жизненный путь привёл меня к тому, что я еду в травмпункт после того, как вывихнула челюсть... канапешкой.

КАНАПЕШКОЙ.

Потому что начала жадно жевать после вопроса Веры:
«Тебе нравится мой Мироша?»

Прекрасно.

Просто прекрасно.

Я всхлипнула и закрыла лицо руками.

Мирон бросил на меня короткий взгляд с водительского сиденья.

— Малышка, не плачь, — тихо сказал он. — Вправим мы твою челюсть. Не первая челюсть, которую уничтожали

едой.

Я резко повернулась к нему.

— Мф-ф-ф!!!

— Эй, — он тут же поднял руки. — Всё. Не шучу.

Но было поздно.

Я снова начала плакать.

Потому что это уже невозможно.

Сначала я эффектно лечу с лестницы.

Потом всей тушкой убиваю Мирона на глазах у родственников.

Потом Вера почти благословляет нас на свадьбу.

А теперь я сижу с перекошенным лицом и медленно тону в собственных слюнях.

Какой позор.

Челюсть затекла так сильно, что лицо уже начинало неметь. Слюни стекали в маску с такой скоростью, будто мой организм решил окончательно надо мной поиздеваться.

Я чувствовала себя не женщиной, а очень грустным бульдогом.

Мирон тяжело выдохнул и неожиданно свернул к обочине.

Машина остановилась.

Я уставилась в окно.

Потому что смотреть на него в таком состоянии было выше моих сил.

Он молча вышел из машины, обошёл её и открыл мою

дверь.

А потом сел передо мной на корточки.

В дорогом костюме.

Посреди дороги.

— Марина, — тихо позвал он.

Я замотала головой.

Нет.

Нет-нет-нет.

Не смотри на меня сейчас.

Только не так.

Он осторожно потянул маску вниз.

И в этот момент мне захотелось провалиться под землю.

Потому что это было максимально унижительно.

Опухшая челюсть.

Размазанная тушь.

Слюни.

Красные глаза.

Я почти завывала от стыда.

Но Мирон...

Не засмеялся.

Вообще.

Ни одной дебильной шутки.

Ни одной колкости.

Он только нахмурился.

А потом достал из кармана платок.

Белый.

Идеально выглаженный.

Наверняка дорогуший.

И этим самым платком сначала осторожно вытер мои слёзы.

А потом...

Слюни.

Очень спокойно.

Будто это вообще не было мерзко.

Я смотрела на него во все глаза.

— Не плачь, сладкая, — тихо сказал он. — Всё будет хорошо.

И вот тогда мне стало совсем плохо.

Потому что пошлый, наглый, невыносимый Мирон Драгомиров сейчас смотрел на меня так бережно, будто я была для него чем-то очень важным.

А я к такому совершенно не была готова.

Глава 7.

Челюсть мне вправили.

Как именно — помню смутно.

Потому что после укола обезболивающего мой мозг решил:
«Ну всё. Я увольняюсь».

Врач что-то говорил.

Очень долго.

Кажется, про стресс.

Про нервное перенапряжение.

Про то, что нельзя так резко открывать рот.

Спасибо, доктор.

Очень своевременное замечание.

Особенно после того, как я вывихнула челюсть, жадно за-
пихивая в себя канале из-за вопросов о Мироне.

Хотелось умереть прямо на кушетке.

— Несколько дней поменьше нагрузки на челюсть, — до-
неслось до меня будто из-под воды. — И постарайтесь избе-
гать стрессов.

Я медленно повернула голову к Мирону.

Этот гад стоял у стены, засунув руки в карманы, и бессос-
вестно ухмылялся.

— Слышал? — прохрипела я. — Избегать стрессов. Так
что исчезни из моей жизни.

— Не могу, сладкая, — лениво протянул он. — Я твой

главный источник витаминов и проблем.

Я показала ему средний палец.

Врач хмыкнул.

— Молодые люди, идите выяснять отношения домой.

— Мы и не начинали, — спокойно ответил Мирон.

Ненавижу его.

Дорогу обратно я почти не помнила.

Меня разморило после укола, голова стала тяжёлой, а веки закрывались сами собой.

Помню только, как в машине было тепло.

И как Мирон периодически бросал на меня странно мягкие взгляды.

Без пошлых шуточек.

Без своего вечного «сладкий поросёнок».

Подозрительно.

Кажется, я уснула ещё на полпути.

А потом почувствовала, как кто-то осторожно трогает меня за плечо.

— Марин... приехали.

Я сонно приоткрыла глаза.

Мирон смотрел на меня сверху вниз и почему-то улыбался очень тихо.

Не нагло.

Не бесяче.

Просто... тепло.

Это настораживало.

— Я сама дойду, — пробормотала я.

— Конечно, — хмыкнул он. — Именно поэтому ты сейчас пытаешься выйти через моё окно.

Я моргнула.

Действительно.

Рука уже тянулась не к той двери. К его двери.

— Неважно.

Он тихо рассмеялся и помог мне выбраться из машины.

И вот тут начался второй круг ада.

Потому что родственники всё ещё были дома.

ВСЕ.

Стоило нам зайти, как разговоры резко стихли.

А потом...

— Ой, молодые вернулись!

— Мирон, невесту-то береги!

— Маринка, рот больше резко не открывай! — заорал Санька и сам же сложился пополам от смеха.

Я медленно закрыла глаза.

Господи.

Почему.

Почему именно моя семья.

Мирон неожиданно положил ладонь мне на поясницу.

— Всё, цирк окончен, — лениво бросил он. — Экспонат устал.

— Сам ты экспонат, — буркнула я.

— Но ты всё равно на меня смотришь.

— Потому что ты раздражаешь.

— А ты сохнешь по мне.

Я ткнула его локтем в бок.

Он только довольно усмехнулся.

Под взглядами родственников Мирон проводил меня до комнаты.

И почему-то никто даже не удивился.

Наоборот.

Тётя Зина растроганно вытерла слезу.

— Какой заботливый муж будет...

— ТЁТЬ ЗИНА!

— А что сразу тёть Зина?!

Я не помню, как легла в кровать.

Не помню, как уснула.

Помню только тяжёлый вздох рядом.

И чьи-то пальцы, осторожно глядящие меня по голове.

Утром аппетита не было вообще.

Я лежала под одеялом и переваривала весь вчерашний кошмар.

Как теперь выйти из комнаты?

Это же невозможно.

Меня теперь до конца жизни будут вспоминать как девушку, которая:
 а) рухнула с лестницы,
 б) расплющила собой Мирона,
 в) вывихнула челюсть канапешкой.

Легенда.

Икона.

Позор семьи.

Я уткнулась лицом в подушку и простонала.

В дверь постучали.

— Марин, спишь?

Голос Мирона.

Ну конечно.

Кто же ещё.

— Пошли завтракать.

— Я не голодна.

— Булочка моя, не заставляй меня нести тебе завтрак в постель.

Я тяжело вздохнула и перевернулась на спину.

Матрас жалобно скрипнул.

Где-то внутри кровати пружина, кажется, помолилась о пощаде.

— Господи... — простонала я.

Я почти не сомневалась:
 этот псих реально сейчас ввалится ко мне с подносом и начнёт пихать в меня пончики, которые я когда-то любила.

Так что придётся брать себя в руки.

— Я сама... Иди уже, МIRON.

— Даю тебе двадцать минут, сладкий поросёнок. Иначе сам вынесу тебя из комнаты.

— Только попробуй.

— Звучит как приглашение.

Я закатила глаза.

Потом всё-таки сползла с кровати и поплелась в душ.

Горячая вода немного привела меня в чувство.

После душа я надела лёгкое зелёное платье. Свободное, мягкое, с тонкими бретелями. Волосы собрала в небрежный хвост, нанесла лёгкий макияж и долго смотрела на своё отражение.

Ну что, Марина.

Пора снова идти в народ.

Отбиваться от шуток.

И делать вид, что Мирон Драгомиров совершенно на тебя не действует.

Глава 8.

На завтрак я спускалась как на казнь.

Медленно.

Осторожно.

Мысленно готовясь к очередному цирку.

Но стоило мне войти в столовую, как я резко остановилась.

Потому что... Было тихо. Подозрительно тихо.

Моя родня молчала.

ВСЯ.

Дядя Гриша ковырял вилкой омлет с таким сосредоточенным лицом, будто проводил хирургическую операцию. Тётя Зина изучала чайную чашку так внимательно, словно там открывались тайны вселенной. Кузены сидели, опустив головы, и даже не ржали.

Это пугало. Очень.

Папа сидел во главе стола и подозрительно улыбался, старательно пряча взгляд.

Вера невозмутимо жевала круассан, будто ничего странного не происходило.

И только Мирон выглядел до отвратительного довольным. Этот гад буквально светился.

Увидев меня, он лениво откинулся на спинку стула и хлопал ладонью по месту рядом с собой.

— Иди сюда, булочка моя.

— Не называй меня так при людях.

— Почему? — невинно удивился он. — Ты стесняешься наших отношений?

— Каких отношений?!

— Токсичных. Но очень страстных.

Я закатила глаза и села рядом.

И тут же пожалела.

Потому что Мирон немедленно начал накладывать мне еду в тарелку.

— Так... омлет тебе. Круассан. Фрукты.

— Я сама могу.

— Не можешь. Ты вчера канapé победить не смогла.

Санька закашлялся, пытаясь спрятать смех.

Мирон медленно повернул к нему голову.

Санька сразу уткнулся в сок.

Тишина снова стала почти гробовой.

Я нахмурилась.

— Что случилось? — спросила с тревогой. — Почему все молчат?

Кузены переглянулись.

Санька тяжело вздохнул, наклонился ко мне и шёпотом сказал:

— Твой мужик заявил, что нам тоже придётся челюсти вправлять, если мы рот откроем.

Я медленно повернула голову к Мирону. Этот псих спо-

койно пил кофе. Абсолютно невозмутимо.

— Ты угрожал моей семье?

— Не угрожал, — лениво поправил он. — Предупредил.

— Мирон!

— Что? — он пожал плечами. — Я забочусь о твоём эмоциональном состоянии, сладкий поросёнок. Тебе нельзя нервничать.

Дядя Гриша тихо пробормотал:

— Да мы вообще теперь дышать боимся...

— Правильно боитесь, — кивнул Мирон.

Родня снова дружно уткнулась в тарелки.

Я смотрела на него с открытым ртом.

Ну... почти нормально открытым.

— Ты ненормальный.

— Зато ты сейчас сидишь спокойная и никто не орёт про канapé.

Я задумалась. Чёрт.

А ведь действительно. Никто не ржал. Никто не вспоминал мой позор.

Это было... непривычно.

Я покосилась на Мирона. Он как раз подвинул ко мне чашку чая.

— Осторожно, горячий.

— Ты чего такой довольный?

— Мне нравится, когда ты сидишь рядом со мной с таким лицом, будто одновременно хочешь меня ударить и поцело-

вать.

— Второе тебе приснилось.

— Первое тоже приятно.

Я пнула его ногой под столом.

Этот гад только ухмыльнулся.

А потом вдруг наклонился ко мне ближе.

Очень близко.

Так, что я почувствовала запах его парфюма.

— Ешь давай, булочка, — тихо сказал он. — А то опять станешь нервно жевать и сломаешь себе что-нибудь ещё.

Я возмущённо уставилась на него.

— Это был единичный случай!

— Конечно. Просто уникальная женщина. Только ты можешь вывихнуть челюсть от канапе после разговора про чувства.

Санька не выдержал и захрюкал в кружку.

Мирон даже головы не повернул.

Просто произнёс:

— Саня.

— Всё-всё! Я молчу!

Я закрыла лицо руками.

Господи.

Да за что мне этот человек вообще достался.

Глава 9.

Я схватила Мирона за руку, как только мы вышли из столовой.

Буквально вцепилась в него и потащила за ближайший угол, подальше от ушей моей неадекватной родни.

Мне срочно нужно было с ним поговорить.

Без свидетелей.

Без Санькиного хрюканья.

Без бабушкиных свадебных прогнозов.

Но этот гад вместо того, чтобы идти молча, откровенно ржал всю дорогу, привлекая внимание прислуги.

— Да замолчи ты! — прошипела я.

— А мне нравится, — лениво протянул он. — Ты сейчас так нервно меня тащишь, будто собралась изнасиловать в подсобке.

Я резко остановилась.

— ЧТО?!

— Ну а что? — Мирон невинно развёл руками. — Если хотела уединиться, могла бы просто сказать. Зачем сразу в подвал тащить? Пошли лучше наверх. Там кровати мягче.

— Офигел?! Держи себя в руках! Что ты за липучка такая вообще?!

— Липучка?

— Да! Ты липучка! Вот кто ты!

Мирон аж ухмыльнулся шире.

— Я липучка? Серьёзно? Лучше бы спасибо сказала.

— За что?!

— За то, что защищаю тебя от этих клоунов. Заметь, твой отец мне даже слова не сказал.

Я фыркнула.

— Ну конечно. Только тебе можно меня доводить. Остальным нельзя.

— Солнышко, считай, я так проявляю симпатию.

— Твои «знаки внимания» больше похожи на пубертат подростка, которого не научили вести себя в обществе.

— Ну я такой, какой есть, — пожал плечами Мирон. — Ты меня со школы знаешь. Я всегда выделялся.

Я аж вспыхнула.

Выделялся он.

Да этот псих годами портил мне жизнь.

Сначала в школе.

Потом в институте.

В голове тут же замелькали воспоминания.

— «Марина, осторожно, а то пол под тобой треснет».

— «Марина, ты опять булки ешь? Смело».

— «Сладкий пончик, оставь что-нибудь людям».

И ведь всегда с этой мерзкой улыбкой.

Такой красивый, что хотелось одновременно влюбиться и придушить.

Я почувствовала, как внутри начинает закипать ярость.

Щёки вспыхнули.

Я даже дышать стала громче.

Мирон спокойно наблюдал за мной несколько секунд, а потом вдруг сказал совсем другим тоном:

— Твоя проблема в том, что огрызаешься ты только со мной.

Я замерла.

Он кивнул куда-то в сторону столовой.

— А им позволяешь себя унижать.

— Они не...

— Марина, — резко перебил он. — Не ври хотя бы мне.

Я открыла рот.

И закрыла обратно.

Потому что он был прав.

Чёрт бы его побрал.

— Если ты не можешь закрыть им рты, — тихо продолжил Мирон, — это сделаю я. И мне плевать, кого этим обижу.

Он сделал шаг ближе.

Слишком близко.

— Я всегда буду тебя защищать, сладкая. Даже если параллельно буду тебя подкалывать.

— Ты... — прорычала я.

— Красивый? Знаю.

— Невыносимый!

— И это тоже.

Я уже замахнулась, собираясь стукнуть его по плечу, когда

в коридоре появилась Вера.

— Мироша! Вот ты где.

Мы одновременно отшатнулись друг от друга.

Подозрительно быстро.

Вера прищурилась, но ничего не сказала.

Только перевела взгляд на меня.

— Маришка, там твой друг приехал из деревни. Толик, кажется.

Я застыла.

Толик?

Перед глазами тут же возник пухлый розовощёкий мальчишка, с которым мы в детстве лазили через заборы воровать яблоки и малину у соседей.

Тот самый Толик, который однажды свалился в крапиву, пока пытался достать для меня грушу.

Я мгновенно перестала злиться.

— Толик приехал?!

И, не дожидаясь ответа, рванула в сторону гостиной.

— Марина! — раздражённо рыкнул мне вслед Мирон.

Проигнорировала.

Потому что мне было слишком любопытно.

Но стоило влететь в гостиную, как я резко затормозила.

Потому что...

Это был вообще не тот Толик, которого я помнила.

Передо мной стоял высокий загорелый мужчина в идеально сидящем костюме. Широкие плечи. Тёмные волосы. Уве-

ренная улыбка.

И очень знакомые глаза.

Он посмотрел на меня — и улыбнулся ещё шире.

— Ну здравствуй, Мариш.

У меня аж рот приоткрылся.

Толик раскинул руки.

— Иди обниму.

И именно в этот момент за моей спиной раздался ледяной голос Мирона:

— Только попробуй.

Глава 10 Мирон.

Я стоял в полном бешенстве.

Нет, серьёзно.

Какой-то тип из деревни приехал, напялил, вероятно, единственный костюм в своём гардеробе — и уже тянет руки к моей девочке.

К моей.

Даже если Марина сейчас начнёт визжать, швыряться тапками и орать, что я псих.

Мне плевать.

— Ну здравствуй, Мариш. Иди обниму.

Ага.

Сейчас.

Разбежался.

Я медленно шагнул вперёд и посмотрел на него так, чтобы сразу всё понял.

— Это моя булочка, — процедил я. — Ищи себе другую.

В гостиной моментально повисла тишина.

Марина застыла между нами с такими глазами, будто мысленно уже выбирала, кого хоронить первым.

Толик нахмурился.

— Чего?

— Того, — лениво ответил я. — Руки убрал.

Мама рядом тут же дёрнула меня за рукав.

Она всегда так делала, когда понимала:
 ещё секунда — и я либо полезу в драку, либо устрою скандал вселенского масштаба.

Ну а что поделать?

Характер у меня действительно отцовский.

Вспыльчивый.

Собственнический.

И очень хреновый в вопросах самоконтроля.

Я не собирался стоять как идиот и смотреть, как какой-то левый мужик улыбается Марине.

Особенно так.

Будто уже мысленно раздевает её.

Нет уж. Спасибо.

Моя нервная система и так держится на честном слове.

— Мироша, — сквозь зубы процедила мама. — Успокойся.

Я дёрнул плечом, давая понять:
 не сейчас.

Потому что внутри уже всё клокотало.

И особенно бесило то, как Марина смотрела на этого Толика.

Удивлённо.

С интересом.

Слишком внимательно.

А потом этот придурок ещё и улыбнулся ей.

Широко так. Уверенно.

— Мариш, ты так выросла...

Я аж усмехнулся.

— А ты, смотрю, научился пользоваться шампунем и утюгом для костюма. Поздравляю.

Сзади кто-то тихо хрюкнул.

Конечно.

Её бесаячая родня уже выползла посмотреть шоу.

Я медленно оглянулся.

Санька, дядя Гриша и ещё пара родственников стояли в дверях с такими довольными рожами, будто пришли на бой ММА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.